

СЕРГЕЙ
ГОГИН

Их революция. О публицистике и публицистах времен гласности и перестройки

Сергей Гогин (р. 1964) –
независимый журналист
(Ульяновск).

Горбачевская перестройка открыла для публики плеяду блестящих публицистов. Это особая генерация людей, откликнувшихся на зов времени, интеллектуалы-гуманитарии, «мобилизованные и призванные» перестройкой. Они были родом из СССР, многие состояли в КПСС, но их публицистическая страстность указывала на призвание к перу, тоску по свободному слову, внутреннюю честность. Поддерживая идеалы перестройки, они болели за нее душой, огорчались и негодовали, когда обозначились признаки ее торможения. Юрий Карякин писал в 1987 году:

«Это действительно революция. И это – *моя революция*. Стало быть, и от меня зависит. Стало быть, от меня и зависит. Не только и не столько надо ждать помощи от нее, сколько – самому помогать ей. Не просить о ее приходе, а идти ей навстречу. Мы дождались ее начала – значит, ее и надо делать самому, на своем месте, в своем деле»¹.

Публицисты стали «прорабами перестройки» наряду с ее инициаторами во власти и видными сторонниками из числа общественных деятелей.

Энтузиазм публицистов сочетался с искренними заблуждениями, которые объяснялись необходимостью поменять мировоззрение, по выражению Александра Герцена, «переменить кровь в жилах». Ведь экономика, которую в свое время изучали эти люди, была политекономией социализма, журналистика – функционированием партийной печати, институтская философия – критикой философов-идеалистов и «буржуазных фальсификаторов», а отечественная история сводилась к истории КПСС. После окончания хрущевской «оттепели» эти люди годами сидели в интеллектуальной засаде и с облегчением воспользовались возможностью выйти на свет. В их статьях звучала надежда на радикальные перемены, стремление распутать (а не разрубить) узел накопившихся проблем, а также

¹ КАРЯКИН Ю.Ф. *Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо одному Инкогнито)* // Знамя. 1987. № 9. С. 200–224 (www.karyakinury.com/ru/articles/1987/1987grabli.html).

неизменное желание русских интеллигентов послужить своей стране и народу. Карякин считал, что решающим вкладом журналистов в перестройку была не только их ответственность и смелость, но и «кликбез», который они проводили для публики и для самих себя – «и в социализме, и в демократии, и в истории, и в политике, а особенно – в экономике и праве»².

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

ЖУРНАЛИСТИКА ОСОБОГО РОДА

Публицистика как жанр не просто актуальная журналистика, которая занимается общественно-политическими темами. Это журналистика мнения, причем мнения развернутого и аргументированного, фиксация обретенного знания для современников и для истории. Это «элитарная» журналистика, право на которую надо было заслужить. Жанр предполагает артикуляцию авторской позиции, анализ и интерпретацию фактов, полемический эмоциональный стиль, что делает публицистику переходным звеном между журналистикой и литературой.

Все это отвечало духу перестройки. Многие писатели в ту пору, отложив в сторону романы и повести, занялись публицистикой. В «самой читающей» и литературоцентричной стране местом ее естественного обитания в перестроечные годы оставалась печатная периодика, но и на телевидении привычных дикторов в годы перестройки сменяли ведущие и комментаторы; телевизионная публицистика нашла себе место в общественно-политических программах, таких как «Взгляд», «12 этаж», «Пятое колесо». В более широком смысле публицистическими высказываниями времен перестройки можно признать и антисталинский фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (снят в 1984-м, запрещен к показу, вышел на экраны в 1986-м), и документальный фильм Юриса Подниека «Легко ли быть молодым?» (1986), и театральные постановки поздней ленинаны драматурга Михаила Шатрова, и стихотворный сборник «Новая волна»³.

«Словарь литературных терминов» утверждает, что цель публицистики – «проводить определенные взгляды в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение»⁴. В отличие от пропаганды, публицистика перестройки не манипулировала аудиторией, но стремилась активизировать общественную рефлексию. Она помогала осмыслять вновь открывающиеся факты истории и актуальные процессы, запущен-

² Там же.

³ *Новая волна. Сборник.* М.: Советский писатель, 1991.

⁴ *Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. // Под ред. Н. Бродского и др. М.; Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 680–688.*

ные перестройкой, строила прогнозы. По словам Александра Мельмана из «Московского комсомольца», «перестройка была пиком в работе СМИ; тогда верили каждому слову журналистов и журналисты были реальными деятелями этой жизни»⁵.

Возможно, аудитория живо реагировала не только на правду «обнаженного факта», но и на стиль подачи, на авторский пафос. Например, статья Юрия Карякина «Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо одному Инкогнито)» насквозь полемична и чуть ли не наполовину состоит из риторических вопросов. Они адресованы убежденным ретроградам-сталинистам, которые в первые перестроечные годы с помощью клеветнических писем в редакции организованно травили писателей Бориса Можаева, Владимира Дудинцева, Анатолия Рыбакова и других, обвиняя их в «огульном охаивании советской действительности».

Цитируя эти письма-доносы, но не раскрывая имен их авторов, Карякин обращается к коллективному образу доносчика, который видит в гласности вражескую диверсию против социализма. Пригвождая этих «инкогнито» к позорному столбу, Карякин, по его признанию, хотел заставить их отозвать свои кляузы из редакций и не писать новых. Риторический стиль Карякина контрастирует с назидательным стилем советских изданий: автор словно выпаливает свои вопросы, приглашая читателей к контакту и диалогу. И тематика, и стиль таких публикаций обеспечивали «разгерметизацию» не только отечественной журналистики, но и редакций: недаром такие статьи вызывали море читательских откликов. Количество писем, которые приходили, к примеру, в журнал «Огонек», с 1986-го по 1990-й выросло более, чем в десять раз: с 15,3 тысяч до 154 тысяч в год⁶.

Екатерина Есикова выделяет некоторые особенности перестроечного публицистического стиля на примере еженедельника «Огонек»⁷:

1) Активное использование и даже акцентирование авторского «я» в статьях. Например, привычное коллективистское «в нашей стране» превращается в авторское «в моей стране».

2) Индивидуальность стиля как следствие легализации авторского «я». Редакторы стараются сохранить особенности стиля автора или респондента интервью. Вопросы в интервью могут быть сопоставимы по объему с ответами героя.

5 Кочнев С. «Объективность в популярной прессе практически никого в то время не волновала». Александр Мельман о том, куда ушла журналистика периода перестройки // Реальное время. 2020. 27 июня (realnoevremya.ru/articles/178928-aleksandr-melman-o-zhurnalistike-perioda-perestroyki).

6 Маслова К.О. Журнал «Огонек» периода перестройки: типологические признаки // Форум молодых ученых. 2020. № 1(41). С. 423.

7 Есикова Е.М. Стиль публикаций журнала «Огонек» в эпоху перестройки: между советским и демократическим дискурсами // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2011. № 2. С. 84–89.

3) Экспрессия – вплоть до избыточной. Она была оправдана тем, что «многое надо было рассказать читателям, долгие годы пребывавшим в информационной изоляции; она являлась стилизованным признаком публицистического дискурса и печати *революции*»⁸.

4) Диалогичность. Вновь обретенная субъектность автора потребовала другого субъекта напротив – адекватного *vis-à-vis*, партнера по диалогу, – отсюда взлет жанра развернутого интервью. На телевидении образцом такого интервьюера – вдумчивого, интеллигентного, с прекрасной речью и эмпатичной интонацией – стал Владимир Молчанов, который вел программу «До и после полуночи» (1987–1991). «Вместо официального, застегнутого на все пуговицы журналиста, говорящего от имени партии, явился автор, говорящий от своего имени, частный человек, автор-собеседник»⁹.

5) Рост количества используемых специальных терминов. Это был вынужденный ликбез: переход от плановой экономики к рыночной, от административно-командной системы к демократизации власти требовал ревизии экономического и юридического словаря. Новые понятия отвечали новым реалиям.

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

«Огонек» и «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Популярность перестроечного «Огонька» была феноменальной. Тираж журнала за годы перестройки, когда его редактором был Виталий Коротич, вырос в три раза – с 1,5 миллионов до 4,5 миллиона экземпляров. Ульяновский филолог Александр Рассадин вспоминает:

«Помню, как в Ленинграде, где я тогда жил, сложно было купить “Огонек”. Очереди в киоски на Невском. Разбирали за полчаса. Надо было попасть в первую двадцатку в очереди, тогда уж наверняка. Я подписывался на многие толстые журналы. Причем все “толстяки” шли на мой абонентский ящик в Ульяновске, где их бережно складировала жена. Вернувшись домой, я потом их разбирал и переплетал в отдельные книги»¹⁰.

По замечанию Виктора Лошака, который возглавлял «Огонек» с 2003-го по 2012-й, в период гласности журнал снимал слои вранья, которые сам же и нагромождал в предыдущие годы:

«[При Коротиче] “Огонек” был знаменит тем, что в нем было очень много материалов по истории, он заново строил для советского

8 Там же. С. 87.

9 Солганик Г. Я. *Язык современных СМИ* // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1. С. 4.

10 Из личной переписки с автором, март–апрель 2025 года.

человека историю страны – Сталин, коллективизация, война, – читатель все узнавал с совершенно другой стороны, по-новому»¹¹.

Виталий Коротич до перестройки был вполне лояльным партийным журналистом-пропагандистом, автором антиамериканской книги «Лицо ненависти», так что эволюция его личных взглядов выглядела радикальной. Превращение «Огонька» из типично советского, витринного издания в рупор перестройки произошло не сразу¹². Коротич возглавил журнал в мае 1986 года по предложению Александра Яковлева – ближайшего соратника Михаила Горбачева, – сменив на этом посту сталиниста и антисемита Анатолия Софронова. Первым признаком перемен в журнале стали смелые по тем временам публикации о молодежи и трудных подростках, а также появление в апрельском номере (уже без Софронова) стихотворной подборки Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году за участие в антисоветском заговоре. Поворотом журнала к гласности можно считать статью писателя-фронтовика Владимира Карпова о жизни и творчестве Гумилева (1986. № 36). Карпов предложил реабилитировать поэта, а сама статья фактически сняла запрет на его упоминание. С 1987-го «Огонек» стал полноправным лидером новой гласности, каким и запомнился.

Подписка на журнал в 1990 году стоила чуть больше двадцати рублей, что составляло около десятой части среднемесячной зарплаты в стране, и все-таки 4,5 миллиона семей предпочли отдавать «Огоньку» эти деньги. Популярность журналу принесли актуальные темы и рубрики, документальная фотография, публикация документов и в первую очередь – авторский коллектив, почти на две трети состоявший из публицистов разных направлений и литераторов. Среди них были Андрей Нуйкин, Никита Хрущев, Милован Джилас, Гавриил Попов, Георгий Жуков, Дмитрий Лихачев, Бенедикт Сарнов, Евгений Евтушенко и многие другие¹³.

Наряду с «Огоньком» флагманом перестроечной журналистики стал еженедельник «Московские новости» – с тех пор, как по предложению советника Горбачева Валентина Фалина газету в 1986 году возглавил «известинец» Егор Яковлев. Виктор Лошак вспоминает, что обнародование любого острого материала тогда требовало драматической борьбы: редакции «МН» приходилось отвоевывать «от номера к номеру, от недели к неделе, буквально по сантиметру пространство сво-

11 Лошак В. «Огонек» сильнее журналистов и тиранов // РИА «Новости». 2009. 21 декабря (www.rian.ru/interview/20091221/200485426.html).

12 КАРАТАЕВ Д.С. «Огоньковская» легенда: к истории публицистики первых лет «Перестройки» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 4. С. 58–63.

13 Маслова К.О. Указ. соч. С. 424.

боды»¹⁴. В отдельных случаях Яковлеву, как и Коротичу, приходилось пользоваться своей номенклатурной привилегией и искать поддержки в секретариате ЦК. До фактической отмены цензуры было не так далеко: глушение западных радиоголосов закончилось в конце 1988-го, хотя закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» был принят только в июне 1990 года. Но Яковлев с самого начала установил, что в «Московских новостях» не должно быть закрытых тем, за это ему постоянно доставалось: Егор Лигачев и другие консерваторы из Политбюро неоднократно требовали снятия его с должности и исключения из партии.

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

**Подписка на журнал в 1990 году стоила чуть больше
двадцати рублей, что составляло около десятой
части среднемесячной зарплаты в стране, и все-таки
4,5 миллиона семей предпочли отдавать «Огоньку»
эти деньги.**

«Парадоксально, что мы боролись с тем, кто нас и содержал – государством во главе с ЦК КПСС», – замечает Виктор Лошак¹⁵. В такой же противоречивой ситуации находились в годы перестройки все издания, потому что они принадлежали государству – других тогда не было: децентрализация издательского дела с образованием новых издательств и частных изданий началась только в 1990-е в связи с принятием новых экономических законов и нового законодательства о СМИ, а также распадом СССР. Но импульс гласности оказался так силен, что идеологические сдвиги происходили даже в таких, казалось бы, официозных изданиях, как «Коммунист» и «Молодой коммунист»: там стали появляться актуальные, написанные «человеческим» языком материалы, которые было интересно читать.

И здесь свою роль сыграл человеческий фактор. В частности, в феврале 1986-го журнал «Коммунист» с подачи Горбачева возглавил советский философ, академик Иван Фролов, известный своей критикой лысенковщины. С его приходом в журнале появился раздел «Дискуссии». Политическим обозревателем, а затем и заместителем главного редактора в 1987–1991 годах здесь работал либеральный экономический журналист Отто Лацис, а в 1987–1990-м редактором и заведующим отделом экономической политики «Коммуниста» был Егор Гайдар. Журнал печатал статьи экономистов Татьяны Заславской, Льва Абалки-

¹⁴ Лошак В. *Освободитель слова* // Огонек. 2020. 23 марта (цит. по: www.kommersant.ru/doc/4291759).

¹⁵ Там же.

на, Павла Бунича, Николая Петракова, Гавриила Попова; экспертов-международников Георгия Арбатова, Александра Бовина, Евгения Примакова, а также многих известных деятелей культуры. В итоге тираж еще недавно официозного издания превысил 1,1 миллиона экземпляров¹⁶.

Горбачев мечтал о социализме с человеческим лицом. Такой социализм предполагал переход к непосредственному диалогу с людьми. «Человеческое лицо» прессы, говорящее с читателями, должно было иметь «необщее выражение». Фокус внимания, таким образом, смещался на личность. Поэтому так важны были личности главных редакторов и ведущих публицистов. По воспоминаниям Лошака, через кабинет главного редактора «Московских новостей» проходили самые известные участники общественно-политической жизни того времени: постоянными авторами здесь были Александр Гельман, Тимур Гайдар, Лен Карпинский, Юрий Афанасьев, Алексей Аджубей, Отто Лацис, Натан Эйдельман, Владимир Лакшин, Михаил Шатров, Юрий Левада, Гавриил Попов. Эти люди сотрудничали с газетой, потому что Егор Яковлев, по словам драматурга Александра Гельмана, обладал неукротимой настойчивостью:

«Он мог приехать к тебе домой и не уходить, пока не добьется твоего согласия написать для “МН”. При этом он был готов приносить тебе сигареты, сходить в магазин за продуктами, заваривать чай... Это проявлялось далеко не только по отношению ко мне»¹⁷.

ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ

Благоприятной средой обитания перестроечной публицистики стали толстые литературные журналы, главным делом которых в конце 1980-х было возвращение читателю литературы, не публиковавшейся ранее из-за советской цензуры. Впервые печатались «задержанные» рукописи современников, произведения эмигрантов первой волны, поэтов и философов Серебряного века, «непубликуемая» западная проза, романы тогдашних писателей-эмигрантов. Но уже с первых лет перестройки толстые журналы отдавали свои страницы публицистике – большим, обстоятельным текстам на темы истории, экономики, философии, культуры, образования и воспитания. Массив возвращенной литературы был велик, но не бесконечен, а писатели-современники по разным причинам не создали произведений, сопоставимых с нею по глубине и

16 Фролов И.Т. *Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения* // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М.: Наука, 2001. С. 81.

17 Лошак В. *Освободитель слова*.

влиянию – еще и поэтому большие публицистические статьи обрели в литературных «толстяках» свое законное место.

Литература и публицистика сосуществовали и поддерживали интерес друг к другу. Читатели воспринимали толстый журнал как оперативную и качественную экспертизу. «Толстый журнал превращал поле литературы в часть поля публичного ответственного суждения»¹⁸. Значительный – десятки страниц – объем публицистических материалов позволял их авторам в подробностях развивать это суждение и углублять экспертизу. Александр Марков рассматривает аномально большие тиражи перестроечных изданий как «завышение ожиданий, превращающее всех читателей как бы в спортивных болельщиков, сопереживающих новым победам, скажем, возвращению произведений, но и требующих, в конце концов, новых медийных стратегий подлинности»¹⁹. Марков считает, что люди имели потребность в сохранении единства советской многонациональной культуры и возлагали на журналы связанные с этим социальные ожидания, достигшие своего максимума в период перестройки.

До перестройки поддержание интеллектуальной и культурной общности требовало знания «техники намеков», умения читать между строк. Перестройка отменила нужду во владении этой техникой: теперь можно было писать открытым текстом. Вот неполный список публицистов, которые печатались в 1985–1991 годах в «Новом мире», некоторые – не по одному разу: Геннадий Лисичкин, Василий Селюнин, Симон Соловейчик, Юрий Черниченко, Натан Эйдельман, Игорь Клямкин, Анатолий Стреляный, Николай Шмелев, Дмитрий Лихачев, Андрей Нуйкин, Игорь Шафаревич, Александр Ципко. В 1990-м тираж «Нового мира» достиг 2,7 миллиона экземпляров, журнал «Знамя» в том же году показал рекордный миллион экземпляров, журнал «Дружба народов» в 1989-м перевалил за 1,135 миллиона экземпляров, тираж журнала «Октябрь» в том же году поднимался до максимальных 380 тысяч²⁰. (Впрочем, любому из них было далеко до перестроечного еженедельника «Аргументы и факты», чей тираж в 1990-м достиг 33,4 миллиона и удостоился упоминания в «Книге рекордов Гиннеса».)

Примером того, что общественная дискуссия способна воздействовать на власть, является отмена решения о переброске части стока северных и сибирских рек в южные районы страны: 16 августа 1986 года Политбюро ЦК КПСС постановило прекратить связанные с этим проектные работы. Решение было обо-

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

18 Марков А. Преодоление жанровой системы «толстого журнала» как социально-политическое конструирование: об одной публикации С.С. Аверинцева // Социологическое обозрение. 2020. № 3. С. 323.

19 Там же. С. 325–326.

20 См. статьи «Википедии» «Новый мир», «Знамя (журнал)», «Дружба народов (журнал)», «Октябрь (журнал)».

снова не только необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических последствий «поворота рек», но и выступлением широких кругов общественности.

В статье «Поворот. Уроки одной дискуссии» редактор «Нового мира» Сергей Залыгин, подводя итоги общественных дебатов о повороте рек, пишет, что победа над узковедомственными, надуманными проектами Министерства водного хозяйства стала одним из «важных и убедительных фактов общего процесса перестройки, которым живет нынче страна»:

«Специалисты-перебросчики выражали недоумение: с каких это пор технические проекты обсуждаются общественностью? Но в Политическом докладе съезду [XXVII съезд КПСС, проходил с 25 февраля по 6 марта 1986 года. – С. Г.] ответ содержался ясный – с наших дней! Начиная с наших дней вот так и будет – общественное мнение отныне приобретает права гражданства!»²¹

До перестройки поддержание интеллектуальной и культурной общности требовало знания «техники намеков», умения читать между строк. Перестройка отменила нужду во владении этой техникой: теперь можно было писать открытым текстом.

Эволюция гласности и XIX партконференция

Яркая перестроечная публицистика, обходившаяся без эзопова языка, стала следствием и воплощением политики гласности. «В нашей публицистике, художественных и научных изданиях идет небывалый по масштабу, откровенности, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, об истории и современности», – говорил Михаил Горбачев 28 июня 1988 года в докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС²². Этот интеллектуальный разговор стал итогом быстрой эволюции самой гласности, прошедшей несколько этапов. В начале перестройки гласность рассматривалась партийными и советскими функционерами на местах как спущенное сверху задание по выявлению недостатков, как формальное разрешение на критику и поощрение самокритики внутри партийно-хозяйственных органов. В глубинке понимание гласности редуцировали до информирования о деятельности местных партийных комитетов. После январского Пленума ЦК 1987 года

²¹ Залыгин С. *Поворот. Уроки одной дискуссии* // Новый мир. 1987. № 1. С. 3, 4.

²² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. *Стенографический отчет: В 2 т.* М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 39.

гласность превратилась в инструмент формирования общественного сознания, в способ мобилизации сторонников перестройки – и в партийном аппарате, и в обществе в целом. Для СМИ она означала «достоверность материалов, критическое осмысление действительности, активную позицию в перестройке, плюрализм мнений, больше писем читателей»²³.

В резолюции «О гласности» XIX Всесоюзной конференции КПСС подробно говорилось, что такое гласность и для чего она нужна. За три года перестройки гласность, как сказано в документе, помогла партии и народу понять свое прошлое и настоящее, она гарантия против деформаций социализма, ее цель – консолидация общества вокруг идей и принципов перестройки. Вместе с тем гласность, «будучи острым оружием перестройки, сама нуждается в углублении и поддержке»²⁴. При этом она должна служить «возвышению личности и ограждению ее достоинства», а не унижению путем наветов и оскорблений. Конференция признала, что у каждого гражданина есть неотъемлемое право получать любую информацию, не являющуюся государственной тайной, что нельзя накладывать ограничения на общественно-значимую статистику, включая данные об экологической обстановке. Резолюция конференции, таким образом, предвосхитила правовые гарантии гласности, которые были впоследствии закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года: запрет цензуры, право на доступ к информации, право на выражение мнения.

Сама XIX конференция КПСС дала образцы «публицистики с трибуны». Заметным в этом смысле было выступление актера Михаила Ульянова, в то время руководившего Союзом театральных деятелей РСФСР²⁵. Он говорил о перестройке как об историческом шансе для страны, который нельзя упустить, о засилье бюрократов, которые повисли на честных тружениках и руководителях, «как свора на медведе, и рвут их своими инструкциями». Он призвал выработать конституционные гарантии против любого, кто вновь захочет «попугать народ, пустить кровь». Ульянов резко высказался против попыток заткнуть рот газетам, критикующим ответственных работников. Его выступление содержало полемический пафос, риторические фигуры, образность, факты и их обобщение – все то, что отличает авторский публицистический стиль.

Примером устной консервативной публицистики стало выступление на той же конференции секретаря Союза писателей СССР Юрия Бондарева. Он обрушился на печать, которая,

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

23 Соколова Т.Л. Понятия «Перестройка», «Демократизация», «Гласность» в материалах региональной печати 1985–1991 годов // Вопросы территориального развития. 2015. № 5(25). С. 10.

24 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... Т. 2. С. 166–170.

25 Там же. Т. 1. С. 190–199.

по его словам, использовала перестройку для дестабилизации всего существующего, для «ревизии веры и нравственности». Он утверждал, что перестроечная пресса «разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду»²⁶. В полемику с Бондаревым вступил главный редактор «Знамени» Григорий Бакланов:

«Тот, кто сегодня борется против гласности, – борется за свое порабощение. [...] И что же, товарищи, неужели мы только вдохнули глоток свободы и все уже поперхнулись? Уже закашляли?.. (Шум в зале)»²⁷.

Эта полемика стала отражением так называемых «журнальных войн» между литературными журналами условно либерального и охранительно-почвеннического направлений, которая продолжилась и после перестройки. Стороны расходились в оценке советской истории, экономических реформ и перспектив перестройки, в вопросах культуры и литературы, по национальному вопросу. Журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Звезда» расположились вдоль либерального спектра; «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» держались национал-патриотической, консервативной ориентации. Например, в 1988 году «Наш современник», ведя арьергардные бои против перестройки, обрушился в уже тогда выглядевшим архаичным стиле советской пропаганды на рок-музыку, которая понемногу получала легальный статус в теле- и радиоэфире:

«Цель рок-культуры – девальвация общечеловеческих ценностей, приспособление их к низменному уровню потребительского существования. Цель рок-музыки – разрушение эстетического вкуса, деградация духовной сущности человека, его личностного начала»²⁸.

Через три с половиной десятка лет после начала перестройки Горбачев в статье «Понять перестройку, отстоять новое мышление» написал, что видел в гласности своего главного помощника²⁹. Для него это означало говорить народу правду о состоянии страны, об окружающем мире, получать обратную связь, свести к разумному минимуму закрытую информацию и гостайну, обсуждать любые темы. Он понимал, что у гласности есть оборотная сторона, что свобода, включая свободу слова, несет с собой риск, поэтому она неотделима от ответственности.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 225.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 20.

²⁸ ДУНАЕВ М. *Роковая музыка* // Наш современник. 1988. № 2. С. 153–172.

²⁹ ГОРБАЧЕВ М.С. *Понять перестройку, отстоять новое мышление* // Россия в глобальной политике. 2021. 2 августа (globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/).

КАЗУС НИНЫ АНДРЕЕВОЙ

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Критики гласности и перестройки увидели в них попытку разрушить «идеалы социализма», подорвать его идейные и политические основы. Пережив шок начала перестройки и собравшись с мыслями, консерваторы пошли в контрнаступление. Возглавила этот поход (возможно, неожиданно для себя самой) преподаватель химии Ленинградского технологического института Нина Андреева: 13 марта 1988 года газета «Советская Россия» опубликовала ее статью «Не могу поступаться принципами», которую впоследствии назвали манифестом антиперестроечных сил. Статью можно признать образцом консервативной публицистики хотя бы из-за широкого резонанса, который она вызвала. В ней Андреева называет обнародованные данные о сталинских репрессиях дезориентацией молодежи и обрушивается на драматурга Михаила Шатрова за то, что тот якобы отходит от канонов соцреализма и искажает историю социализма. Она призывает отстоять честь и достоинство Сталина и других «первопроходцев социализма», чью роль предлагает рассматривать с «партийно-классовых позиций». Отъезд из страны «воинствующих космополитов», еще недавно бывших на положении отказников, она рассматривает как «классовую и национальную измену». Не будет натяжкой назвать эту статью необольшевистской и реабилитирующей сталинизм.

В течение трех недель руководство страны не реагировало на публикацию, из чего многие заключили, что перестройка закончилась, а позиция Андреевой отражает новую политику ЦК – ведь «Советская Россия» была органом ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. «Эта статья застала нас врасплох, – сказал позднее Михаил Ульянов с трибуны XIX конференции КПСС. – Многие, не все, но многие уже вытянули руки по швам и ждали следующих приказаний». И только 5 апреля 1988 года в «Правде» появилась редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», несомненно публицистический текст, автором которого был член ЦК КПСС, один из идеологов перестройки Александр Яковлев. Отвечая Андреевой, он писал, что цель перестройки не демонтаж социализма, а возрождение его «ленинской сущности»; что позиция Андреевой несовместима с перестройкой и отличается «фаталистическим пониманием истории»; что Сталин не просто знал об актах беззакония, но лично организовывал их, поэтому защита Сталина – это защита права на произвол.

Под одной обложкой

В 1990 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник под названием «Перестройка»³⁰. Он задумывался как ежегодное собрание наиболее заметной публицистики, уже опубликованной в журналах. Первый выпуск оказался и последним, однако он дает представление о публицистике либерального, реформаторского спектра – о ее темах, позиции и мечтаниях авторов, их заблуждениях, видных уже из наших дней, стиле и пафосе этих текстов. Геннадий Лисичкин разоблачает мифы социализма и описывает реальное состояние СССР, его политики и экономики. Сергей Андреев пишет, что советский управленческий аппарат подпадает под определение класса и обладает классовыми интересами, что он способен существовать лишь в экстенсивной экономике и поэтому является главной опасностью для перестройки. Игорь Клямкин рассуждает о политической лжи, аппаратной монополии на информацию и подавлении меньшинства как пути к тирании. Николай Шмелев раскрывает причины неэффективности плановой экономики и описывает параметры хозрасчетного, «рыночного социализма», предлагает устранить диспаритет цен, провести ценовую реформу, но при этом не начинать с отпуска розничных цен. Василий Селюнин с болью рассказывает о гибели Аральского бассейна из-за бездумного освоения засушливых земель в советских республиках Средней Азии. Юрий Черниченко пишет о том, как и почему СССР превратился в страну, импортирующую зерно и продовольствие. Алексей Черниченко объясняет, как при НЭПе возродились финансы, торговля и кредит и как, уничтожив НЭП и свободное обращение рубля, Сталин уничтожил демократию и «отменил» законы экономики. Леонид Жуховицкий объясняет рост неформальных объединений молодежи естественным поиском идентичности и потребностью молодых людей в признании.

На примере этого сборника можно выделить общую идейную позицию перестроечной публицистики. Она заключалась в следующем:

1) Авторитет Ленина как революционера и политика непрекаем. Ленин был прав – если не во всем, то в основном, поэтому перестройка есть возвращение к ленинским нормам жизни.

2) Ленин и Сталин противопоставляются друг другу. Сталин извратил учение марксизма-ленинизма, он не марксист и не экономист, сталинский социализм – вовсе не социализм.

3) Потенциал социализма не исчерпан – ни в экономике, ни в демократическом строительстве. Социализм с человеческим

30 *Перестройка. Публицистический ежегодник Союза писателей СССР. Вып. 1.* М.: Советский писатель, 1990.

лицом и «рыночный социализм» возможны. Нужен возврат к новой экономической политике по типу ленинской, переход к экономике, ориентированной на рубль и «социалистическую прибыль».

4) Руководящая роль КПСС не оспаривается³¹.

5) Главный враг социализма и перестройки – бюрократ. Аппарат, унаследованный от административной системы, представляет собой мафию. Победить ее можно опять же через возвращение к ленинским нормам.

6) Несмотря ни на что, общество движется к демократии. Публицисты и передовая интеллигенция сопровождают «коммунистическую реформу», они осознают свою ответственность за перестройку, видят угрозы для нее со стороны номенклатурной бюрократии, способной заболтать и похоронить преобразования.

Вслед за политологом Дмитрием Травиным такой подход к публицистике можно было бы назвать «осторожной, не подрывающей основ системы констатацией ошибок прошлого»³². В самом деле, заявить, что Сталин не марксист и что надо переходить от неэффективной плановой экономики к хозрасчетной, казалось бы, не доблесть. Но это – сегодня. А тогда публицист, открыто ставивший под сомнение, например, дублирование функций партийного и советского аппарата, совершал прорыв в восприятии реальности.

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Продолжение полемики сегодня

Спустя сорок лет после начала перестройки полемика между идейными потомками Нины Андреевой и сторонниками европейского пути России продолжается. Люди, ностальгирующие по СССР, но рассуждающие о его истории, политике и экономике в основном на профанном уровне, говорят, что «Горбачев развалил страну» – то есть великая страна развалилась вследствие перестройки и гласности. Но журналисты не разваливали страну, говорит Александр Мельман, они всего лишь были зеркалом происходящего, делали свою работу, вскрывая преступления прошлой и настоящей власти: «Внутренняя система сгнила, и тут куда ни ткни – все развалится, и так получилось, что разваливали страну якобы “Огонек” и программа “Взгляд”»³³.

31 Так было в первые годы перестройки. Впервые об отмене 6-й статьи Конституции СССР заговорили на I Съезде народных депутатов СССР в конце мая 1989 года.

32 Травин Д. Я. *Медведевская модернизация и горбачевская перестройка* // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 161.

33 Кочнев С. *Указ. соч.*

Современные конспирологи утверждают, что горбачевская гласность была инспирирована Западом с целью развала Советского Союза, а перестройку затеяли либералы-западники, пробравшиеся в идеологический аппарат КПСС и заразившие его антикоммунизмом. Эта конспирология публикуется под видом научных статей даже в реферируемых изданиях из списка ВАК. Например, Ольга Асонова из РАНХиГС утверждает, что Михаил Горбачев подцепил «новую идеологическую моду» во время встреч с лидерами западных демократий и сменил руководство почти всех СМИ, чтобы те насаждали в сознании граждан нужные ему социально-политические штампы³⁴. Она полагает, что с этой целью тиражи перестроечных изданий раздувались намеренно, а новые независимые СМИ создавались партийной верхушкой, чтобы развернуть общественное мнение в свою пользу (слова «независимый» и «свободный» она употребляет только в кавычках). Автор заявляет, что журналистика помогала правящему на тот момент классу решать главную задачу по удержанию политического господства, для чего использовались профессиональные западные технологии, позволявшие «скрыто действовать в разных направлениях»³⁵. В той же тональности профессор Омского государственного педагогического университета Сергей Новиков заявляет, что «начатый КПСС курс на гласность был трансформирован частью его носителей и исполнителей в антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду, приведшую к разрушению союзного государства»³⁶.

Горбачев заочно ответил на эту будущую критику еще в 1986 году на одном из заседаний в ЦК, где он сказал: «И никаких уступок в вопросах гласности из-за того, что мы, мол, раздаемся перед миром! Ведь это мы сами говорим... Здесь наша сила, а не слабость»³⁷. Виктор Лошак замечает, что журналистам важно было успеть воспользоваться гласностью как историческим шансом, даже если он был дан свыше. Они понимали, что окно возможностей в любой момент может закрыться: «Прогноз последствий был нулевым, главным было действие»³⁸.

Охваченные эйфорией перемен советские интеллектуалы не успели проговорить будущее, потому что слишком много надо

34 Асонова О.Н. *Журналистика в период перестройки: идеологический анализ* // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 73–76.

35 Там же.

36 Новиков С.В. *Либеральный и ортодоксальный дискурс как альтернатива курсу гласности в период трансформации политической системы СССР: 1985–1991 гг.* // Омский научный вестник. 2015. № 3(139). С. 9–12.

37 *Совещание Горбачева с секретарями ЦК, заведомыми ЦК, помощниками, 23 июня 1986 года* // В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс; Горбачев-Фонд, 2008. С. 53.

38 Лошак В. *Освободитель слова*.

было сказать о прошлом и настоящем. Привычной им формой высказывания была журнальная или газетная публикация, как вариант – экспертная дискуссия, тогда как время требовало публичной политики. Некоторые все же попробовали: народными депутатами СССР или РСФСР на пике перестройки стали печатные публицисты Геннадий Лисичкин, Сергей Залыгин, Юрий Карякин, Виталий Коротич, Юрий Щербак, телевизионщики Александр Политковский и Александр Любимов. Их поход во власть был кратковременным. У власти осталась непоколебимая номенклатура.

«Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта, – написал в 2021 году Михаил Горбачев. – Ее представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему»³⁹. Не менее важно, что, в конечном счете, идеологическая перестройка не была поддержана экономической⁴⁰.

После распада СССР тиражи печатных флагманов перестройки обрушились и уже никогда не достигали прежних высот. Главная причина была экономической: при больших тиражах и невысоких подписных ценах издания не потянули возросшей стоимости бумаги и увеличившихся типографских расходов. Сместился и фокус общественного внимания: с концом советской власти и началом экономических реформ полемика вокруг советского идеологического наследия утратила былую актуальность. Но и сегодня многие свидетели перестройки хранят у себя на дачах подшивки «Огонька», «Нового мира» и тематические папки с вырезками из газет времен горбачевской гласности.

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

39 ГОРБАЧЕВ М.С. *Понять перестройку, отстоять новое мышление.*

40 См.: «Перестройка была прыщавая и слюнявая». Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «Ъ» (www.kommersant.ru/projects/perestroika).

